

В. Н. ИЛЬИНЪ

Господа, когда я думаю о современности, невольно приходят на память жгучія слова Ницше: «Hier stehe ich in mitten des Brandes der Braudung». Міръ въ огнѣ, употребляя слово индусской мудрости, и вопросъ о томъ, кто зажегъ этотъ огонь и что выплавится, какой металлъ и въ какую форму, — это вопросъ самый актуальный. Я думаю, что огонь этотъ или посредственно или непосредственно христіанскаго и во всякомъ случаѣ Христова происхожденія, что здѣсь рука Божія. Если мы вѣрующіе люди, мы вообще не можемъ въ этомъ сомнѣваться, что здѣсь не только обычный судъ Божій надъ міромъ совершается, но что здѣсь и нѣкій творческій жестокой и страшный огонь: «Страшно впасть въ руки Бога живаго» — говоритъ ап. Павелъ, и я думаю, что этотъ моментъ здѣсь есть. И вотъ, когда ставится вопросъ объ отвѣтственности Церкви и государства, я невольно думаю о томъ, что съ одной стороны государство, — да, какъ будто бы отстало, уже не говорю объ Церкви, которая часто производитъ умилительно безпомощное впечатлѣніе, — я говорю о вѣчномъ въ Церкви, — да, есть какъ будто-бы что-то отставшее, а съ другой стороны — нѣчто, необычайно опередившее. Вообще есть необычайно страшное и ни на что не похожее въ дѣйствиіи христіанской закваски на міръ. Съ одной стороны нѣкій вѣчный устой, а съ другой стороны дѣйствительно закваска, т. е. ферментъ, нѣчто приводящее къ огненному броженію и горѣ-

нію. Вотъ это, мнѣ кажется, надо все время имѣть въ виду, когда рѣчь идетъ объ отвѣтственности христіанства, потому что въ христіанствѣ есть не только творческій процессъ, но въ то же время судъ надъ самимъ христіанствомъ. И если здѣсь мы говоримъ о судѣ, то мы должны говорить о немъ съ христіанской точки зрѣнія, и судъ этотъ произносить какъ Христовъ судъ и внѣшняго суда здѣсь быть не можетъ.

Стало быть рѣчь можетъ идти, въ самомъ крайнемъ случаѣ о христіанскомъ судѣ и надъ современной дѣйствительностью и надъ эмпирической церковностью. И вотъ здѣсь передъ нами совершенно конкретныя заданія: что характерно для современнаго міра, для той соціальной дѣйствительности, которую мы переживаемъ? Тема эта безконечно разнообразна и мнѣ хотѣлось-бы ее сузить. Совершенно ясно, что одна изъ граней этой темы, это соціально-техническое бытіе. Вотъ что еще стало передъ нашими взорами и стало въ общици чрезвычайно тяжеломъ, потому что въ машинѣ и соединенной съ ней машинной психологіи пролетаріата и рабочаго, есть нѣчто очень страшное и тяжелое, причемъ это касается не только пролетаріата par excellence, но вообще всего того, что связано съ трудовой психологіей. Сюда-же относятся и инженеръ и въ значительной степени современнаго типа промышленникъ, всюду мы встрѣчаемся съ характернымъ проявленіемъ соціально-машиннаго бытія. Вотъ какую новость намъ принесъ грядущій день и здѣсь, я скажу, требуется чрезвычайно большое напряженіе духовныхъ силъ, чтобы понять, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь и какъ можно мыслить Христовъ судъ не только надъ машинной дѣйствительностью, но и черезъ машинную дѣйствительность.

Если мы постараемся окинуть взоромъ все

то, что передь нами проходитъ, то машинно-соціальное бытіе и связанная съ нимъ идеологія марксизма имѣеть нѣчто въ высокой степени современное. Вотъ это характерно для этого періода. Міръ перешель во вселенское состояніе, приче́мъ вселенское состояніе дѣйствительно охватившее всю землю, даетъ ощущеніе космичности земли и его планетарности и связано съ необычайнымъ успѣхомъ новаго естествознанія, которое дѣйствительно для современнаго человѣка даетъ ощущеніе какого-то грандіознаго полета въ міровыхъ пространствахъ.

Человѣкъ чувствуетъ себя такъ, какъ ежелибы онъ былъ у руля земли, летящей въ міровыхъ пространствахъ.

Вотъ какой странный результатъ одной изъ этихъ граней современной катастрофы — ощущеніе космичности, планетарности вселенной, при чемъ въ двухъ смыслахъ — метафизическомъ и социальномъ. Вотъ эти мечты о полетѣ въ міровыя пространства, онѣ, конечно, помимо своего чисто технического воодушевленія, содержатъ въ себѣ еще нѣкоторую символическую метафизику современной эпохи. Міръ сталъ вселенскимъ и даже космическимъ, приобрѣлъ колоссальный космическій, міровой размахъ. Какое это отношеніе имѣеть къ христіанству? Христіанство отличается отъ всякой другой религіи тѣмъ, что оно абсолютно космично и абсолютно вселенско. Въ этомъ заключается его страшная, радикальная противоположность всякому сектантству, и я думаю, что это броженіе, охватившее міръ, несомнѣнно есть символъ вселенскаго, космическаго размаха, и тогда намъ легко отвѣтить, какое это имѣеть значеніе для христіанства. Надъ эмпирическимъ христіанствомъ, съ точки зрѣнія вѣчнаго христіанства, совершается нѣкій судъ. Эмпирическое христіанство съ его дряннымъ архаизмомъ, — а есть хо-

рошій архаизмъ, — дѣйствительно устарѣло, оно пріобрѣло черты нѣкотораго провинціализма, какъ то удобно усѣлось и перестало видѣть міровыя перспективы. То, что въ свое время произвела Римская Имперія и Константинъ Великій по отношенію къ событію въ Галилеѣ, теперь это страшное событіе происходитъ по отношенію къ эмпирическому христіанству. И какъ тогда это было очень тяжело и сопровождалось страстотерпствомъ Церкви, такъ и теперь это безконечно тяжелѣе и сопровождается новымъ неслыханнымъ страстотерпствомъ Церкви. Но такова вообще цѣна мірового вселенскаго размаха. Міровая вѣчная космическая жизнь очень дорого обходится. Это въ сущности вѣяніе Святого Духа, а вѣяніе Святого Духа бываетъ только надъ Голговою. Можно отказаться отъ Христа и Голговы, но тогда нужно отказаться отъ дара Духа Святаго.

Я надѣюсь, что то, что я пытаюсь высказать, это съ внутри-христіанской точки зрѣнія, ибо вѣчное христіанство, не изглаголенное христіанство, безконечно шире христіанства изглаголеннаго въ каждую данную эпоху. «Азь есмь Тотъ, Который былъ, есть и грядетъ. Его имя Господь». Стало быть Господь еще и грядетъ и еще безконечныя перспективы передъ нами раскроются, и смыслъ перемѣны эпохи заключается въ томъ, что христіанство по особому и новому выводится на вселенскій и космическій путь. Къ этому я долженъ сказать, что никакого оптимизма въ смыслѣ благополучія этого процесса у меня нѣтъ, многіе погибнутъ. Это объясняется тѣмъ, что на пути этого осуществленія средство къ осуществленію, т. е. въ данномъ случаѣ социальная механизация, превращается въ идола, бога, самоцѣль, и окончательно заслоняетъ образъ Судьи и Провидѣнія, которое попустило это движеніе вселенской космической механизации. Произойдетъ и уже прои-

зошло столкновение двух систем ценностей, из которых одна абсолютно несовместима с другой, хотя цель у них как будто бы одна и та же и совершается тоже с такой силой и так страшно. Ап. Павел сказал: «кое согласие у Христа с вѣломъ и кое служение у Церкви Божіей со идолы». На этомъ пути несомнѣнно будетъ встреча двухъ эоновъ, изъ которыхъ одинъ будетъ заключаться въ томъ, что социальная механизация замкнется въ себѣ навсегда и никогда не услышитъ голоса Христова. Это ужасъ, но это такъ. Вотъ что произойдетъ, и это очень тяжело и очень страшно. Мало того, произойдетъ даже такъ, что о многомъ эти два эона и знать не будутъ совершенно. Произойдетъ остановка въ незнаніи отдѣльныхъ эоновъ, они знать другъ друга не будутъ. Корень одинъ, движеніе одно, но на этомъ пути страшная остановка и идолизация. Появятся идолы и навсегда заслонятъ образъ Божій. Къ этому надо быть готовымъ и стараться, чтобы этихъ жертвъ было какъ можно меньше. Въ этомъ наша отвѣтственность. Жертвы будутъ, потому что само бытіе по своей природѣ трагично. И само творческое — «да будетъ» — всегда содержитъ ужасъ того, что многое погибнетъ и на воззваніе — «пусть будетъ» отвѣчено — «не буду» или «не хочу быть такимъ, какимъ ты меня задумалъ». И здѣсь тайна тварной воли, съ которой уже ничего подѣлать нельзя. Это очень страшная тайна Божіяго смиренія передъ тварью и Божіяго безсилія тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о свободѣ тварей. Вотъ къ этому ужасу надо быть готовымъ и поэтому, несмотря на раскрывающіяся широко перспективы, и рѣчи не можетъ быть о томъ, чтобы мы были въ какомъ либо случаѣ оптимистами. Все очень трагично, страшно, но дѣло обстоитъ такъ, что новая страница земной исторіи и новая страница космоса раскрывается какъ входъ христіанства въ необычайную по раз-

маху своему вселенскую, космическую миссію. Вотъ что передъ нами и къ чему надо быть готовыми. Очень естественно, если силъ на это у человѣчества не хватитъ, что многіе до этого не дойдутъ. Вотъ что передъ нами раскрылось. Поистинѣ страшно быть на пиру боговъ, но мы призваны и уйти отъ этого не можемъ.